Изъ Библіотеки для чтенія А. Смирдина

№

За годъ . . 10 рубл. сер.	За ченіе книгъ съ журналами 20 рубл. сер.
За полгода 6 » »	Новыя книги держать не болѣе двухъ недѣль.
За 3 мѣсяца 4 » »	
За мѣсяцъ 2 » »	

№ 82

У Шибанова 12/95

4 р 50

Митр. 7091

2 Над. 329

в/х 3

О.Р.К.
Р 3/12 1 дерев.
Б.Г.

ОИК

Б 37/72

Автор М.Н. Муравьев.

Б.О.Г

№ 136.

БИБЛIОТЕКА
... Рогожиных

ЕМИЛIЕВЫ ПИСЬМА.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 2884/20
„10“ IV 1937 г.

Предъувѣдомленіе

Живучи въ Софіи, я имѣю обыкновеніе прогуливаться каждой день по большей Московской дорогѣ. Зрѣніе толь многихъ путешественниковъ разсѣеваетъ размышленія мои. Мы были въ началѣ Октября. Остатки прекраснѣйшаго лѣта еще чувствительны были. Я шелъ съ моими пріятелями подъ вѣтьвіями поблекшихъ березокъ. По бокамъ у меня были Виль Гоникомбъ и Дикъ Ейронсейдъ, граждане Софійскіе. Вдругъ видимъ нѣчто бѣлое на дорогѣ. Приближаемся. Ето былъ свитокъ рукописныхъ писемъ. Въ дали карета въ шесть лошадей, запряженная подорожному, скакала во весь махъ. Можетъ быть изъ ней былъ обороненъ сей свитокъ. Но какимъ удивленіемъ сталъ я пораженъ, когда развернувъ его, узналъ я почеркъ любезнаго моего Емилія,

достойнаго должайшей жизни, котораго потерю не многіе друзья оплакиваютъ! — Жребій его совершенъ. Ето было всечасное желаніе его, жить и умереть для пользы отечества. И послѣдніе взоры его видѣли убѣгающаго непріятеля. Не трудно было мнѣ угадать, что письма сіи были писаны къ доброму Филарету. И что было свойственнѣе, какъ предавъ ихъ тисненію, посвятить между нами память нашего нѣжнаго друга?

Издатель.

Село Никольское 18 Маія.

Любезной другъ мой!

Библ. И. А. и В. А. Рогожиныхъ.

Вотъ другое письмо, что я пишу къ тебѣ отсюду. Какъ я здѣсь щастливъ! какая погода, какое прелестное мѣстоположеніе! Ты знаешъ хозяевъ. Я не могу описать тебѣ всего вниманія ихъ, ласки, благородной учтивости. Ихъ одно общество могло бы здѣлать и пустыню пріятною. Чего мы не дѣлаемъ? Прогуливаемся пѣшкомъ, верхомъ, на лодочкѣ. Любвидостойныя дѣти ихъ, особливо Васинька, увеличиваютъ веселья наши своими невинными играми. Удовольствіе посмотрѣть, какъ они любятъ другъ друга. Малѣйшее огорченіе приключится одному; и всѣ опечалены. За то, какъ ихъ любятъ окружающіе, домашніе! Но мы ли одни? Посторонніи, чужіи люди привлекаются ихъ вѣжливостію, тихостію, чистосердечіемъ.

Посуди по вчерашнему. День былъ прекрасной, по утру маленькой дожжикъ, послѣобѣда солнце и воздухъ наполненъ благоуханїемъ. Мы сбирались прогуливаться; видимъ изъ дали пыль. Верховые показываются. Подъѣзжаютъ: молодой Инженерной Офицеръ, очень хорошаго вида, представляется хозяевамъ, проситъ позволенїя остановиться въ селѣ съ своею командою. Онъ посланъ отъ Дивизїоннаго Генерала, для разбитїя лагеря и нѣкоторыхъ полевыхъ укрѣпленїй къ учебному смотру, въ верстѣ разстоянїя отъ Никольскаго.

Не было получаса, дѣти были уже въ совершенной его повѣренности. *Г. Добросердовъ*, такъ назывался Офицеръ, показывалъ имъ всѣ подробности чертежа своего, выгоды и неудобности мѣстоположенїя, какїя высоты занимаетъ онъ редутами, гдѣ назначаетъ переправы, отводные караулы и такъ далѣе. Въ другомъ Тактическомъ планѣ изъяснялъ имъ всѣ движенїя обѣихъ сторонъ, боевой порядокъ, на которомъ крылѣ зачнется нападенїе, откуда подкрѣплять будутъ уступающихъ и какимъ образомъ закроется отступленїе побѣжденныхъ.

Этого мало; мы всѣ садимся на лошадей. Послѣдуемъ за Офицеромъ на самое мѣсто трудовъ его. Во-

оружены кольями, заступами, между тѣмъ какъ Офицеръ назначаетъ углы по Астролябіи, мы продолжаемъ линіи, разбиваемъ укрѣпленія.

Дѣло шло такъ усердно и скоро, что мы ужъ могли подчивать гостя своего легкимъ ужиномъ въ полуотдѣланномъ редутѣ на правомъ крылѣ Арміи.

Завтре полки вступаютъ въ Лагерь; и наше деревенское спокойствіе будетъ встревожено шумомъ военныхъ упражненій. Я есмь *и проч.*

23 Маїя, по утру.

Нѣсколько дней пропущено безъ писемъ: и дружба твоя можетъ быть возмущается моимъ молчанїемъ. Я не защищаюся въ винѣ моей; и чтобъ избѣжать отъ ней впередъ, посылаю тебѣ цѣлую дневную записку.

Я увѣдомлялъ тебя, что полки выступятъ въ лагерь 19 число. И дѣйствительно въ тотъ день они двинулись, боевымъ порядкомъ, въ двѣ линїи. Картина самая поражающая видѣть съ возвышеннаго мѣста нѣсколько полковъ пѣхотныхъ, конныхъ, шествующихъ величественно по пространной долинѣ. Нѣсколько колоннъ, разными дорогами дошедъ въ тоже время на одну черту, развернулися на мѣстѣ избраннаго стана. Это было около осьми часовъ вечера. Послѣднїе лучи солнца отбрасываемы были сїяющею чистотою ружей. Развѣвалися знамена. Раздавался громъ барабановъ. Между тѣмъ отряды конницы, которые помѣщены были въ промежуткахъ колоннъ обращалися *направо* и *налѣво* и составляли крылья. Позади фронта явились полатки, поставленныя фурьерами съ невѣроятною скоростїю.

Въ 9 часовъ вечера.

Мы теперь только отъ зари. Лагерь расположенъ весьма выгодно на высотѣ, которая повелѣваетъ почти всею окрестностію. Чистота, опрятность, послушаніе въ солдатахъ! Строжайшая подчиненность между Офицерами. Мы познакомились съ нѣкоторыми изъ оныхъ. Есть между ими весьма достойные, соединяющіе военныя качества со знаніемъ свѣта. Таковъ отлично Г. Полковникъ *Думовъ*, которой начальствуетъ особливо Бригадою. Ты знаешь *Осанова* и имя *Славина*, не можетъ быть незнаемо.

Легко вообразишъ себѣ что и дѣти были съ нами; но *Васинька* не былъ. Онъ выпросилъ позволеніе остаться дома, нарочно для того, чтобъ испытать, можетъ ли *отказать себѣ удовольствіе*. Онъ былъ доволенъ своимъ мужествомъ и употребилъ сто время на черченіе шестіугольника, укрѣпленнаго по перьвому построенію Г. *Вобана*. Съ нѣкотораго времени Геометрія и Фортификація зачинаютъ ему нравиться почти столько же, какъ игрушки. Можно ожидать всего добраго отъ того, кто учится владѣть самимъ собою.

24 числа. Въ 3 часа пополудни.

У насъ обѣдали сего дня Дежуръ-Маiоръ *Вельгоровъ* и Адъютантъ *Алетовъ*. Они намъ показывали письменное разположенiе учебнаго смотра. Въ вечеру высланъ будетъ отрядъ фуражировъ. Настоящее ученiе назначено къ 30 числу.

Я перерываю письмо мое, потому что линейку подвозятъ ѣхать въ лагерь. Прощай.

6

Надобно очень любить своихъ пріятелей, конечно не менѣе моего, чтобъ удосужиться разговаривать съ отсутственнымъ, посреди самаго сіяющаго праздника и между тѣмъ какъ все кругомъ меня одушевляется весельемъ. Сегодня рожденіе *Васиньки.* Ему исполнится одиннадцать лѣтъ . . . . Но я открываю тебѣ тайну его. Онъ воображаетъ, что ему покрайней мѣрѣ пятнадцать.

Я не видалъ отрока, которой бы его ранѣе сталъ чувствовать благопристойность поступокъ. Столько нѣжно въ немъ чувствованіе честнаго и похвальнаго, столь сильно отвращеніе отъ постыднаго, что онъ не въ состояніи здѣлать ничего предосудительнаго; хотя бы и увѣренъ былъ, что никто того не узнаетъ.

Смѣлъ и великодушенъ отъ природы, столько боится стыда и потерянія чести, что одинъ взоръ неудовольствія, примѣтная холодность лишаетъ его веселости. Онъ не можетъ быть спокоенъ прежде, покуда не возвратитъ добраго о себѣ мнѣнія.

Еще примѣръ власти его надъ собою. Онъ очень любитъ персики. Сего дня подарили ему прекрасной, одинъ которой достать могли. Сколько радости! на немъ основалъ надежду своего завтрека. Мы шли къ развалинамъ маленькаго домика въ полверстѣ отъ Села. Хотѣли тамъ разположиться. Не доходя, видимъ бѣднаго прохожаго, отдыхающаго. Сѣдые волосы, сѣдая борода. Онъ казался утомленъ и отъ дороги и отъ нещастій. Слабымъ голосомъ просилъ милостыни. У насъ не случилося денегъ. Слезы навернулися на глазахъ у *Васиньки.* Скорѣе слова, и прежде нежели мы одумались, персикъ былъ у старика. Слезы благодарности катилися изъ оживленныхъ глазъ нещастнаго: благословенія, молитвы за здравіе юнаго благотворителя.

Васинька восхищенъ былъ, что потерялъ свой завтрекъ. Возвращаяся, пріятная встрѣча: Сержантъ, присланной отъ Г. *Думова,* вручаетъ имениннику двѣ книги въ богатомъ переплетѣ: *Мечтанія Маршала Саксонскаго* и *Опытъ Тактики Г. Гиберта.*

У насъ будетъ и самъ *Г. Думовъ* и множество Офицеровъ изъ Лагеря. Мы даемъ обѣдъ, балъ, ужинъ.

Добросердовъ готовитъ къ ночи маленькой фейерверкъ.

Вотъ и гости зачинаютъ съѣзжаться. Прощай мой другъ, я оставляю тебя, чтобъ итти въ гостиную.

Въ первомъ часу по полуночи.

Уставъ до чрезвычайности, прихожу съ балу, хочу продолжать письмо мое; и не въ состоянiи. Глаза смыкаются сами. Вообрази себѣ, шесть Англинскихъ сряду. Но я не могъ сравняться ни съ *Осановымъ*, ни съ *Алетовымъ*. Они такiе же неустрашимые Танцовщики, какъ и Офицеры. Соединяя любвидостойныя дарованiя съ основательными качествами, они должны быть совершенно щастливы, если чувствуютъ цѣну дружбы, столько же, какъ

Твой вѣрной другъ

N. N.

Маїя 29 дня 1789 года.
Село Никольское.

30 Маія въ 10 часовъ утра,
изъ Лагеря при урочищѣ, Красной боръ.

Извини, любезной другъ, безпорядокъ письма моего. Я пишу къ тебѣ съ Марсова поля, изъ ставки общаго нашего знакомаго *Г. Осанова.* Теперь только кончилось ученье, день становится жарокъ и усталость тѣла кажется распростирается и на мысль мою.

Нападающее войско приближалося пятью колоннами и по знаку предводителя изъ передоваго отряда, построилося въ наклоненной боевой порядокъ. Правое крыло зашло въ бокъ противуположеннаго войска, и опрокинувъ его, преслѣдовало конницею.

Съ какимъ согласіемъ дѣйствовали всѣ отряды! конница тяжелая, легкая, пѣхота, охотники, наконецъ всѣ разныя оружія соединены въ одно тѣло движущееся и страшное.

Люди умѣли привести въ совершенство искуство ужасное и необходимое защищать безопасность и славу отечества. Если бы они были столько же удачны въ умноженіи щастія, просвѣщенія, добродѣтели! Воинъ можетъ быть достоинъ почтенія и заслужить безсмертную память днями убійства и раззоренія. Гражданинъ, которой служитъ отечеству, не раззоряя, трудами рукъ своихъ, искуствомъ, совѣтомъ, разумомъ, можетъ быть каждой день полезенъ и честь его не смѣшена ни съ какими сожалѣніями. Мы забавляемся видѣть движенія полковъ. За чѣмъ проходимъ безъ примѣчанія труды земледѣльца, проливающаго потъ надъ собственною полосою? За чѣмъ не обращаемъ вниманія на сихъ простыхъ людей, которыхъ руки обрабатываютъ произведенія земли и приуготовляютъ ихъ торговлѣ и художествамъ?

Гражданинъ, достойной сего имени, которой намѣренъ служить своему отечеству, долженъ вникнуть во всѣ части общежитія и узнать нужды и пользы общества.

Мы дали себѣ слово, я и *Васпнька*, въ первой разъ, что пойдемъ вмѣстѣ прогуливаться, итти на

ниву добраго земледѣльца, быть свидѣтелями трудовъ его, неутомимости, добродушія. Мы возмемъ съ собою *Виргиліевы Георгики* и въ виду хижинъ и пастуховъ, при шумѣ падающаго источника прочтемъ прелестной *Епизодъ второй книги* о похвалахъ сельской жизни.

Прощай мой другъ, я желаю тебѣ всякаго благополучія.

Писать къ тебѣ, разговаривать съ тобою заочно, ты знаешь, что это здѣлалось для меня нужною. Случай представлялся, и я не хочу пропустить его не сказавъ тебѣ, сколько я люблю тебя и сколько бы желалъ тебя видѣть съ собою. Мѣстоположенiе одно, благорастворенiе воздуха, сельскiя забавы уже прекрасны; чтожъ особы, которыя все это дѣлаютъ несравненно прелестнѣе прiятностями разума и сердца?

Любвидостойной хозяинъ мой *Графъ Благотворовъ* (никогда имя не сходствовало болѣе со свойствомъ человѣка) полагаетъ все свое благополучiе въ томъ, чтобъ дѣлать добро другимъ. Богатство, почести, знатность, кажется получилъ онъ только для того, чтобъ быть ими полезну большему числу людей. Оказывая столько благодѣянiй, онъ первой ихъ позабываетъ. Умолчать добро, которое здѣлалъ, для него самое величайшее удовольствiе.

На примѣръ мы никогда не слыхали отъ него о старикѣ *Васильковѣ*, которой двадцать лѣтъ живетъ въ его убѣжищѣ.

Вотъ какимъ случаемъ мы его узнали. Третьяго-дня, исполняя намѣреніе наше посѣщать земледѣльцовъ, я и молодой мой товарищъ идемъ тропинками между пашенъ. Ручей извивающійся въ долинѣ привлекаетъ насъ своимъ журчаніемъ и пріятными излучинами. *Васинька* перескакиваетъ его, входитъ въ кустарники. Мы ему послѣдуемъ. Выходимъ на лужайку. Видимъ: селянинъ глубокой старости и почтеннаго вида, (это былъ *Васильковъ*), оставляетъ плугъ свой, чтобъ поспѣшить къ намъ на встрѣчу, внѣ себя отъ радости, видя въ первой разъ сына благодѣтеля своего.

Надобно было войти въ хижину его. И онъ и дряхлая жена его угощаютъ насъ другъ передъ другомъ.

Васильковъ былъ страдалецъ добродѣтели. Низской породы, но благороднаго сердца, изъ рядовыхъ солдатъ, дослужился онъ Офицерства. Одинъ человѣкъ знатной и несправедливой принуждалъ его силою к обѣ-

щаніями участвовать въ погубленіи невиннаго. *Васильковъ* отвергнулъ съ омерзѣніемъ и угрозы и предложенія. Оклеветанъ, отброшенъ, лишенъ чести, скончалъ бы онъ жизнь свою въ бѣдствѣ и поношеніи, если бы прозорливое человѣколюбіе *Графа Благотворова* не спасло чести его оправданіемъ и не доставило послѣднимъ днямъ его спокойнаго пропитанія.

Не пріятно ли тебѣ видѣть великодушіе защищаемое благотворительностію? Прощай мой другъ, будь здоровъ и люби меня.

12

щанїями участвовать въ погубленїи невиннаго. Василь-ковъ отвергнулъ съ омерзѣнїемъ и угрозы и предложенїя. Оклеветанъ, отверженъ, лишенъ чести, скончалъ бы онъ жизнь свою въ бѣдствѣ и поношенїи, если бы прозорливое человѣколюбїе *Графа Благотворова* не спасло чести его оправданїемъ и не доставило послѣднимъ днямъ его спокойнаго пропитанїя.

Не прїятно ли тебѣ видѣть великодушїе защищенное благотворительностїю? Прощай мой другъ, будь здоровъ и люби меня.

Іюля 20, деревня Малинники.

Ты видишъ изъ надписанія, любезной другъ мой, нѣкоторое извиненіе моего молчанія. Мы ѣздили, дѣлали маленькой кружокъ по уѣзду. Посѣщали старыя знакомства и пріобрѣтали новыя. Ты не можешъ представить себѣ, что за удовольствіе путешествовать въ деревнѣ. Вездѣ картина благополучія. На поляхъ трудолюбіе, веселость земледѣльцовъ: въ усадьбахъ помѣщиковъ приличное изобиліе, добросердечіе, домостроительство. Здѣсь наши достойные дворяне, посвятивъ молодость службѣ Отечества и проливавъ кровь свою подъ *Франкфуртомъ* или при *Кагулѣ*, находятъ старости своей заслуженное отдохновеніе.

Поводомъ путешествія то, что Графъ *Благотворовъ* будучи предводителемъ дворянства, созывалъ его въ собраніе, чтобъ предложить нѣкоторыя новыя учрежденія и совѣтоваться о нуждахъ общественныхъ.

Здѣсь прямо чувствуется достоинство гражданина. Нѣтъ упражненія важнѣе и приличнѣе человѣку, какъ

служить своему обществу, защищать безсильнаго и участвовать въ благополучіи цѣлой страны.

Теперь мы приближаемся опять къ *Никольскому*, отъ котораго *Малинники* не далѣе десяти верстъ разстоянія. *Малинники* отъ того, что здѣсь много малины и отмѣнно вкусной. Остатки маленькаго сада, развалины дворянскаго дома свидѣтельствуютъ прежнее пребываніе Господъ *Былинскихъ*, которымъ принадлежала сія деревня. Послѣдній рода ихъ былъ отдаленной свойственникъ Графа. Оставшись молодъ владѣтелемъ великаго имѣнія, безъ воспитанія, окруженъ рабами и ласкателями, онъ искалъ только собственныхъ своихъ удовольствій и находилъ одну скуку и раскаянія; за тѣмъ что онъ никому не былъ полезенъ, не имѣлъ ни знаній, ни благородныхъ чувствованій. Безъ дѣла, безъ должности, безъ друзей, онъ былъ самъ себѣ въ тягость и умеръ ни кѣмъ не сожалѣемъ.

Крестьяне были раззорены поборами и худымъ управленіемъ. Во владѣніе Графа ожили они снова. Помощь всякаго рода, расправа, наставленіе, присмотръ здѣлали ихъ въ короткое время изъ убогихъ и страждущихъ щастливѣйшими земледѣльцами.

Кажется, что скоро сбудется съ ними исполненіе того, что желалъ *Генрихъ IV.* сей доброй Король, *чтобъ каждой крестьянинъ могъ имѣть по Воскресеньямъ курицу въ похлебкѣ.*

Какъ они ето чувствуютъ! Надобно посмотрѣть пріѣздъ нашъ въ *Малинники.* Всѣ бросаются около кареты. Женщины, старики, дѣти окружаютъ Графа, обнимаютъ, проливаютъ слезы радости и благодарности.

Благотворительность не оставляетъ Графа ни на минуту. Вчерась Г. *Закрышкинъ*, бѣдной дворянинъ приходитъ къ нему. Онъ долженъ Графу нѣсколько лѣтъ платы за пустошь, которую нанимаетъ. Проситъ извиненія, что не можетъ заплатить всѣхъ денегъ вдругъ и представляетъ нѣсколько. Графъ перебиваетъ его: „*я знаю, что вы честной человѣкъ и не богаты.* Вручаетъ ему крѣпость на землю и убѣждаетъ принять пенсію двухъ сотъ рублей на воспитаніе дѣтей.

Между тѣмъ *Васинька* примѣчаетъ все сіе въ молчаніи и въ маленькомъ сердцѣ своемъ пріемлетъ великодушное намѣреніе быть столько же благотворительнымъ.

14

Мы съ нимъ и не вовсе праздны. Садъ оставленъ совершенно въ разположенїе наше и мы его возобновляемъ; роемъ, садимъ, пересаживаемъ. Г. *Засодимской*, писмоводитель Графа по дѣламъ дворянской опеки, которой учился въ Университетѣ земледѣлїю и Ботаникѣ, указываетъ намъ какимъ образомъ разводить произрастѣнїя, удобривать землю и обращаться съ цвѣтами.

Я есмь и *проч.*

Іюля 31, Село Никольское.

Позволь мнѣ попенять себѣ. Одно письмо въ три недѣли! Сколько могло случиться съ тобою, малостей, конечно, для другихъ, но для меня неоцѣненныхъ подробностей и которыхъ я не знаю! Для истиннаго друга нѣтъ ничего равнодушнаго. Я радовался узнавъ произвожденіе твое, справедливость отданную достоинствамъ и дарованіямъ твоимъ. Но я хочу еще имѣть мое участіе и въ маленькихъ досадахъ твоихъ, неудовольствіяхъ, печаляхъ.. по чему я знаю? Ты человѣкъ: и все, что съ человѣкомъ случиться можетъ, и тебѣ свойственно.

Мы нашли у себя въ *Никольскомъ* дорогаго гостя, *Осанова*, но страждущаго и въ опасности жизни. Неумѣренность въ пищѣ привлекла ему тяжкую болѣзнь. Безъ *Думова* можетъ быть не былъ бы онъ въ живыхъ. Нѣжныя попеченія друга его, болѣе еще нежели лѣкарства, возвратили ему жизнь.

15

Судя о чувствованїяхъ Графа по своимъ собственнымъ, *Думовъ* перенесъ его изъ ставки въ одинъ изъ домиковъ, которые въ саду построены.

. .

Ему становилось легче, какъ мы прїѣхали. Вошли въ горницу его и были свидѣтелями почти самой той минуты, что онъ пришелъ въ себя и почувствовалъ отраду выздоровленїя. Съ какимъ умиленїемъ, глаза наполнены слезъ, взглянулъ онъ на своего неутомимаго попечителя! *Ты мнѣ жизнь даровалъ, я терялъ ее безъ тебя*, произнесъ онъ томнымъ голосомъ и хотѣлъ продолжать; но *Думовъ* налагая молчанїе, изъ нѣжнаго опасенїя къ слабости больнаго и можетъ быть не менѣе ради собственной своей кротости: *выздоравливай только, сердечной другъ мой*, говоритъ ему наполненъ чувствительности, *єто все мое награжденїе*. И защищаяся отъ справедливыхъ похвалъ нашихъ: *Вы всѣ чувствовали дружбу*, говоритъ онъ, (при етомъ словѣ я вспомнилъ тебя) *и вы не удивитеся тому, что она внушитъ въ состоянїи. Почтенїе, которое имѣешъ къ человѣку доброму и благородному, усиленное нѣжностїю, прїятною привычкою, сообще-*

нїемъ удовольствїй, печалей, составляетъ неразрывной союзъ. Но ежели вы узнаете, сколько, кромѣ сего чувствованїя, обязанъ я благодарностїю сему достойному другу; вы еще уменьшите удивленїе ваше. Осановъ хотѣлъ воспротивиться повѣствованїю. *Нѣтъ,* продолжалъ *Думовъ, признанїе благодѣянїя возвышаетъ меня въ глазахъ особъ сихъ. Мы были съ нимъ третьяго года въ Кавказѣ. Онъ былъ мой подполковникъ. Ѣдучи передъ полкомъ, отдалился я непримѣтно. Была ущелина. Свирѣлые наѣздники окружили меня. Лошадь подо мною убита. Я былъ обезоруженъ и въ рукахъ ихъ. Осановъ могъ спастися; но подвергая великодушно жизнь свою для избавленїя моей, съ безпримѣрною храбростїю и присутствїемъ духа нападаетъ на нихъ, сражается, между тѣмъ, какъ колонна, удвоивъ шагъ, подходитъ и мы одерживаемъ совершенную побѣду надъ толпою непрїятелей.*

Что ты послѣ етого скажешъ? Есть ли что нибудь сладостнѣе и священнѣе дружбы?

Село Никольское, Августа 13 дня.

Какъ я сѣтую на себя за несправедливыя жалобы, которыми я огорчилъ тебя онамнясь! Полученіе писемъ твоихъ, замедлившихся въ дорогѣ, сколько съ одной стороны обрадовало, столько съ другой обременило меня стыдомъ и раскаяніемъ. Дружба, которая ввела меня въ вину сію, она должна мнѣ исходатайствовать и отпущеніе.

Ты обязалъ меня черезвычайно, любезной другъ мой, и содержаніемъ писемъ своихъ и врученіемъ ихъ Г. *Полосовскому.* Твой достойной другъ съ того же самаго времени и мой. Онъ всякой день у насъ. Графъ и Графиня находятъ въ семъ молодомъ Офицерѣ всѣ достоинства, которыя желаютъ видѣть нѣкогда въ *Васинькѣ:* превосходное сердце, разумъ украшенной знаніями, заемлющія еще болѣе сіянія отъ любвидостойнаго и непринужденнаго обращенія въ обществѣ. Путешествіе въ чужія краи одна могло прибавить совершенства воспитанію его. Онъ въ полку у Г. *Славина:* и съ первой ми-

нуты почувствовали они другъ къ другу сiе взаимное почтенiе, которое соединяетъ благорожденныя души.

Славинъ можетъ служить образцомъ въ обхожденiи. Всѣ его поступки ознаменованы *благоразумiемъ*. Никогда нескромность, оскорбительное слово или взоръ не здѣлали обращенiя его непрiятнымъ. Но отдая принадлежащее уваженiе каждому, онъ не теряетъ подлыми угожденiями того почтенiя, которымъ ему другiе обязаны. Правость разума его и сердца столь обще признаны, что всѣ охотно подвергаются суду его. Всѣ бы желали имѣть его другомъ; но онъ разборчивъ въ дружбѣ и кого *Славинъ* почитаетъ, не можетъ быть посредственнаго достоинства.

Одно изъ удивительнѣйшихъ качествъ его *хладокровiе*. Среди сраженiя, сказываютъ, такъ какъ въ обществѣ, всегда равенъ, господинъ разума и чувствъ своихъ, онъ всегда готовъ встрѣтить опасность и преодолѣть ее.

Такiя дарованiя природныя украсилъ онъ воспитанiемъ и ученiемъ. Онъ знакомъ со всѣми писателями древ-

ности. Я видѣлъ въ полаткѣ его *Плутарха*, *Поливія*, *Ксенофонта*. Подумай же, какъ ему пріятно будетъ найти въ Г. *Полосовскомъ* товарища и службы и сихъ удовольствій, происходящихъ отъ ученія и прекрасныхъ писменъ.

Что мнѣ особливо нравится въ *Полосовскомъ*, такъ ето прилѣжность его къ ученію и желаніе знаній. Какимъ образомъ, думаешъ ты, препроводитъ онъ праздное время въ лагерѣ? Вчера еще засталъ я его въ ставкѣ переписывающаго уроки *нравоучительной философіи* славнаго Г. *Фергюсона*, его учителя. При етомъ случаѣ разсказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ, привлеченъ славою сего ученаго, путешествовалъ онъ нарочно въ *Едимбургъ*, чтобъ воспользоваться разговоромъ и наставленіемъ знающаго и добродѣтельнаго человѣка. Съ какимъ почтеніемъ, съ какою благодарностію говоритъ онъ о своемъ учителѣ!

Мы было очень пріятно разговорилися и вечеръ былъ прекрасной, какъ вдругъ, очень не кстати, пушка выпалила зорю и фелдвебель явился къ Г. Капитану съ рапортомъ: *Ваше благородіе; рота выведена на ротную улицу.*

Село Никольское, Августа 10 дня.

На сихъ дняхъ происходило у насъ явленіе, самое трогающее для тѣхъ, которые знаютъ почитать добродѣтель: исполненіе правосудія противу самаго себя оказанное.

Наши прекрасныя *Малинники* не принадлежатъ болѣе Графу. Онъ самъ произнесъ рѣшеніе, которымъ отданы онѣ во владеніе остававшемуся въ неизвѣстности и убожествѣ *Былинскому*. Пренебреженъ гордымъ своимъ родственникомъ и отягощенъ многочисленнымъ семействомъ, бѣдной дворянинъ сей снискивалъ пропитаніе въ потѣ лица своего. Нечаянно услышалъ Графъ имя его. Сего довольно было, чтобъ немедлѣнно отъискать его, развѣдать происхожденіе, разсмотрѣть право его къ наслѣдству.

Всѣ наши законоучители утверждали, что имѣя деревню по завѣщанію Графъ не обязанъ отдать ее въ поколѣніе. Но *Благотворовъ* сказалъ имъ, что никакой положительной законъ не можетъ освободить его отъ при-

казаній совѣсти его: что не довольно быть праву въ глазахъ общества и закрывать себя подъ внѣшностію судебнаго порядка; надобно еще быть справедливу въ собственныхъ глазахъ своихъ: *и меня*, продолжаетъ онъ, *ничто не можетъ спасти отъ строгости судіи, котораго я имѣю въ самомъ себѣ. Не узнаютъ другіе; но я знать буду. Я потеряю почтеніе къ самому себѣ, я буду нещастливъ. И есть Существо всевѣдущее, всеблагое, которое испытуетъ сокровенныя наши мысли и которому ничто столько неугодно, какъ сердце правое и непорочное.*

Что ты чувствуешь, любезной другъ мой? Не восхищаешся ли симъ достойнымъ почтенія характеромъ, которой соединяетъ въ толь высокой степени *благотворительность* и *правосудіе*, сіи два источника человѣческихъ добродѣтелей? Позабыть самаго себя, пожертвовать свои собственныя выгоды для исполненія справедливости, для удовольствованія *природственнаго чувства*, которымъ различаемъ *добро* и *зло* въ нашихъ дѣйствіяхъ, естественно, безъ размышленія: есть ли что нибудь сего величественнѣе?

Какъ описать тебѣ умиленіе, благодарность бѣднаго *Былинскаго*? Быть взяту отъ плуга къ наслажденію большаго имѣнія, безъ надежды, безъ исканія! Никѣмъ? Тѣмъ самымъ, которaго бы польза требовала не возвращать его никогда. Но *Благотворовъ* неспособенъ помѣстить въ сердцѣ своемъ подлаго корыстолюбія.

Въ препровожденіи уѣзднаго Судьи *Правдина*, Капитана-Исправника *Ушьева*, и еще нѣсколько дворянъ привозитъ онъ *Былинскаго* въ *Малинники*, препоручаетъ ихъ во владѣніе ему и обращаяся къ міру крестьянъ, погруженныхъ въ глубокую печаль. *„Друзья мои*, говоритъ имъ, *„слезы ваши трогаютъ и награждаютъ „меня вмѣстѣ. Но я не былъ бы достоинъ любви „вашей, если бы минуту хотѣлъ воспользоваться „неправедливостію. Я поручаю васъ господину не „менѣе доброму: я за него ручаюся. Онъ воспи„танъ въ нещастіи: онъ знаетъ чѣмъ обязаны „щастливые къ безсильнымъ и бѣднымъ, что долгъ „помѣщика состоитъ въ томъ, чтобъ быть благо„дѣтелемъ земледѣльцовъ. Исполняйте вы свой „долгъ повиновенія и трудолюбія.„*

При семъ вручаетъ *Вышинскому* [illegible] рублей доходовъ, которыя собралъ онъ съ *Малѣнниковъ* во время своего владѣнія; и какъ будто бы добродѣтели бывали заразительны, въ тоже мгновеніе *Вышинской* проситъ Г. *Правдина* внести ихъ отъ имени Графскаго въ *приказъ общественнаго призрѣнія.*

Мнѣ становится *Никольское* часъ отъ часу дороже, не столько своими рощами и садами, какъ тѣмъ, что оно служитъ позорищемъ добродѣтели. Одно твое присутствіе могло бы еще прибавить красоты сему мѣсту. По крайней мѣрѣ сего требуютъ чувствованія

твоего усерднаго друга.

Село *Никольское*, Августа 21 дня.

Воображалъ ли я при отпускѣ послѣдняго письма моего, что я такъ скоро оставлю Никольское? Пріятное происшествіе причиною нашего отъѣзда. Армейское производеніе вышло. Г. *Славину* досталося въ Генералъ-Маіоры и по росписанію въ Сѣверную дивизію. Онъ беретъ *Васиньку* въ Адъютанты. Это перьвой походъ его. Ты вообразишь себѣ, что такъ скоро не оставляютъ пріятелей своихъ; особливо тѣхъ, которымъ думаешъ быть полезенъ. Я препровождаю молодаго Офицера. Хозяева мои имѣютъ благосклонность увѣрять меня, что онѣ бы сами здѣлали мнѣ предложеніе сіе, если бы не предупредило ихъ мое собственное чувствованіе. Насъ ѣдетъ много. Господа *Полосовской* и *Добросердовъ* изъ числа. Ты можешъ представить себѣ, стараемся ли мы воспользоваться свѣденіями и опытностію Г. *Славина*. Мы много читаемъ, много разговариваемъ о военномъ искуствѣ. Походы *Тюренния*, *Люксамбурга*, *Маршала Саксонскаго* предметы нашего ученья. Болѣе всего Отечественная Исторія. Мы не устаемъ слушать Г. *Славина*, когда онъ разсказываетъ намъ, съ картою на столѣ, подвиги Государя *Петра*

Великаго, щастливыя дѣянія *Миниха*, *Лессія*, *Салтыкова*, побѣды *Румянцова*, *Нестора* полководцевъ. Я самъ заимствую отъ общаго восторга, устремляюся въ славное поприще военнаго состоянія. Что скажетъ нашъ кроткой *Иринеевъ*, когда увидитъ меня въ полномъ одѣяніи Офицера, въ знакѣ, въ шарфѣ, съ саблею? Какихъ упрекъ ожидать я долженъ! Не послужатъ мнѣ къ защищенію славные примѣры *Леонида*, умирающаго во исполненіе священныхъ приказаній Отечества; *Епаминонда*, котораго послѣдніе взоры видѣли убѣгающаго непріятеля. Человѣколюбіе его никогда не примирится съ славою. Но ты, мой любезной другъ, ты, которой всегда воспламенялъ въ сердцѣ моемъ *любовь Отечества*, сію страсть великихъ душъ: ты увѣренъ, что какой рокъ меня ни ожидаетъ, побѣдитель или мертвъ, я никогда не разстануся съ честію. Ты увидишъ меня по Лакедемонски, *или со щитомъ или на щитѣ*. Меня восхищаетъ сіе великодушное желаніе *Нѣмецкаго Барда*, чувствительнаго *Клейста*, желаніе *умереть славною смертію за Отечество*. И какъ могу я здѣсь чувствовать иначе, когда вижу родителя, нѣжную мать отпускающихъ съ Геройствомъ въ тѣже самыя опасности любимаго ихъ сына и когда сей молодой человѣкъ (я не

смѣю назвать Офицера *Васинькою*) идетъ на войну со всею твердостію мужа? Прими мои нѣжнѣйшія прощанія! Твое изображеніе будетъ препровождать меня на мѣсто сраженія.

P. S. Я посылаю тебѣ книги мои. Ты найдешь въ нихъ нѣкоторыя записки и цѣлую тетрадь сочиненій, плодъ нашихъ чтеній и разговоровъ съ молодымъ Графомъ. Еще разъ прощай. Будь здоровъ, будь щастливъ.

Тетрадь

Для сочиненій

зачато въ Никольскомъ сего 10 Іюня.

Заглавіе было написано; а мы еще не знали, какимъ образомъ приступить къ исполненію его. Никакая щастливая мысль не попадалася. Нельзя было положить вины на перо или чернила. Все было въ лучшей исправности, Недоставало сочинителей. Мы это чувствовали и болѣе приходили въ уныніе. Веселость, которая за полчаса назадъ одушевляла *Васиньку*, готова была его оставить. Наконецъ я прерываю молчаніе. „Напишемъ „покрайней мѣрѣ, говорю я, это самое состояніе нерѣ„шимости, которое насъ мучитъ и мы здѣлаемъ начало „нашимъ упражненіямъ въ сочиненіи. Начало, сказыва„ютъ, половина дѣла. Но чтобъ повѣствованіе было жи„вѣе, преобратимъ его въ разговоръ. Станемъ писать рѣчи „наши попеременно, вы подъ именемъ *Васиньки*, я подъ „названіемъ *друга* вашего, ежели вы мнѣ позволите.„

Васинька. Съ превеликой охотой, я очень радъ. Вы видите, что вы ужъ читаете отвѣтъ мой, а не слышите.

Другъ. Тѣмъ лучше. Мы здѣлаемъ привычку писать. Нечувствительно слогъ нашъ образуется. Нѣтъ ничего полезнѣе упражненія. Начнемъ съ родовъ сочиненія самыхъ легкихъ, напримѣръ со сказочекъ. Потомъ станемъ восходить со временемъ къ *разговору*, *письму*, *разсужденію*. Вы такъ часто разсказываете, что вы видѣли или читали. Возмите перо и дайте ему ходить по бумагѣ съ тою же свободою съ которою говорите.

Васинька. Да, ето великая разница. Я говорю какъ нипопало, почти не думаючи: всѣ меня разумѣютъ. А принимаяся за бумагу, я чувствую, что мнѣ чего-то не достаетъ.

Другъ. Привычки. Она внушаетъ нечувствительно охоту и довѣренность къ самому себѣ. Испытаемъ написать съ памяти такую повѣсть, которую мы не давно читали. Возмемъ изъ *Фенелона . . . приключенія Али-Беговы. Нѣкогда Авасъ. . . .*

Васинька. Постойте, ето мое дѣло. *Авасъ, Софи Персидской объѣзжалъ области свои, никѣмъ не знаемъ. Молодой пастухъ ему понравился, благо-*

разумiемъ рѣчей своихъ еще болѣе, нежели прiятностiю вида. Софи открылъ ему санъ свой. Алибегъ! говоритъ ему, (такъ назывался Пастухъ) природа произвела тебя къ другому званiю. Оставь поля свои, послѣдуй за мною: я поставлю тебя пастыремъ людей. Пастухъ послѣдовалъ. Онъ былъ не лицемѣрной другъ Государя своего; всегда говорилъ ему правду и спасалъ народы отъ утѣсненiя злобныхъ. Но Абасъ скончался. Молодому сыну его ласкатели оклеветали Али-Бега. Онъ собралъ себѣ сокровища, говорили они, слезами сираго и вдовицы. Воспаленъ гнѣвомъ, сынъ Абасовъ идетъ самъ въ домъ Али-Беговъ, удостовѣриться своими глазами въ истиннѣ доноса. Вездѣ находитъ умѣренность, простоту, сельскiя нравы. Но вдали видны железныя двери. За ними, шепчутъ клеветники, сохраняются сокровища Али-Беговы. Растворяютъ двери. Что находятъ въ казнѣ его? Посохъ, свирѣль, платье, которое онъ пастухомъ носилъ. И Али-Бегъ обнимаетъ колѣны Государя своего „не отнимай у меня сихъ сокровищъ. Я съ ними былъ щастливъ и могу быть впередъ. Позволь мнѣ возвратиться въ деревню„. Приведенный въ умиленiе Государь, от-

далъ справедливость оклеветанной добродѣтели и грозным взоромъ изгналъ ласкателей изъ присутствія своего на всегда.

Другъ. Вы видите, что дѣло здѣлано. Ежели это не самое лучшее повѣствованіе; по покрайней мѣрѣ, это *опытъ сочиненія.*

Избраніе Геркулеса.

Геркулесъ приходилъ уже въ сей возрастъ, которой называется *возрастомъ разума.* Наполненъ размышленія о выборѣ приличной жизни шелъ онъ дорогою. Вдругъ раздѣляется она на двѣ стези. Двѣ женщины выше человѣческаго образа представляются ему и зовутъ его въ противуположенныя стороны. Одна величественна съ простотою, благородна безъ гордости и называлась *добродѣтель;* другая исполнена томности и нѣги. *Роскошъ* имя ея. „*Юноша! послѣдуй за мною,* говоритъ она. *Здѣсь розами стезя усыпана, здѣсь чистые источники, сладкія яствы, ненарушимой сонъ. Никогда жизнь твоя не будетъ подвержена опасностямъ.* Добродѣтель вѣщаетъ въ чреду свою: „*Послѣдуй за мною. Опасности тебѣ не страшны будутъ. Ты преодолѣешъ ихъ мужествомъ. Слава твоя будетъ безсмертна. Она будетъ справедлива; за тѣмъ что ты посвятишъ жизнь свою пользѣ*

людей. Никогда раскаяніе не возмутитъ твоего спокойствія, за тѣмъ что ты будешъ исполнять свои должности. Геркулесъ не сомнѣвался болѣе и послѣдовалъ *добродѣтели.*

Несогласїе вождей, пагуба народовъ.

Осада *Трои* была первымъ предпрїятїемъ соединенной *Грецїи.* Двапщать Царей послѣдовали начальству *Агамемнона.* Знаменитѣйшїе *Дїомидъ, Идоменей, два Аїакса, мудрой Улиссъ, древнїй Несторъ.* Всѣхъ превосходнѣе храбростїю *Ахиллесъ. Троя* упадала подъ его побѣдоносными ударами. Бѣдственная ссора останавливаетъ успѣхи Грековъ. *Агамемнонъ* обидѣлъ *Ахиллеса.* Съ тѣхъ поръ непримиримой *Ахиллесъ* отнимаетъ помощь свою отъ общаго ополченїя. Превозмогаютъ *Трояне. Гекторъ* осаждаетъ прогнанныхъ Грековъ на корабляхъ ихъ. Грецїя погибала. Чувствительной *Патроклъ,* другъ *Ахиллесовъ,* не можетъ взирать на погибающее отечество. Устремляется на *Троянъ* во брони *Ахиллеса* и единымъ явленїемъ симъ обращаетъ ихъ въ бѣгство. Но *Гекторъ* поражаетъ его. Тогда потерею друга наказанной *Ахил-*

лесъ выходитъ изъ ослѣпленія гнѣва. *Является*: и все уступаетъ оружїю его. Скоро величественные верхи *Трои* повергаются на землю.

Благоразуміе, соединенное съ мужествомъ, превозмогаетъ рано или поздно величайшія препятствія

Всѣ уже вожди Греческіе, избѣгшіе погибели по испроверженіи Трои, возвратилися въ домы ихъ. Мудрой *Улиссъ* одинъ не можетъ достигнуть любимой *Итаки.* Цѣлыя десять лѣтъ, вѣрная супруга его *Пинелопа* воздыхаетъ о возвращеніи его; между тѣмъ какъ гордые вельможи Итакскіе расхищаютъ домъ ея, празднуя повседневно. *Тилемахъ*, достойной сынъ Героя, въ препровожденіи сокрытой *Минервы*, ищетъ повсюду стезей родителя. *Улиссъ* лишенъ помощи и товарищей, единою своею мудростію и мужествомъ преодолѣваетъ свирѣпство неистоваго *Полифима* и *Киклоповъ*, волшебство *Киркіи*, обольщенія *Сиренъ*, хитрости *Калипсы*, которая, останавливая его на острову своемъ въ безславной праздности, хотѣла заградить ему на всегда возвращеніе въ отечество: наконецъ доставленъ на брега *Итаки* благодѣяніемъ *Алкиноя*, Царя *Феакійскаго*, объемлетъ *Тилемаха* въ хижинѣ вѣрнаго пастыря свего *Евмея*, посѣщаетъ дряхлаго отца своего

Лаерта, является *Пинелопѣ,* двору, народу. Умыслы вельможъ разсѣяваются. *Улиссъ* сіяетъ величественнѣе претерпѣнными нещастіями и трудами.

Общежительность.

Сколь трогательно *Софоклъ*, сія пчела *Аттическая*, описываетъ нещастнаго *Филоктета* въ Трагедіи сего имени! Оставленъ жестокосердыми *Греками* на необитаемомъ острову, одинъ, цѣлыя десять лѣтъ, что продолжается осада *Троянская*, не слышитъ онъ человѣческаго гласа, не видитъ образа. Болѣзненнѣе для него сіе исключеніе изъ человѣческаго рода, нежели неисцѣльная язва ноги его, пожирающая тѣло. Онъ не имѣетъ друга, не имѣетъ товарища, которой бы утѣшилъ его, пожалѣлъ о немъ покрайней мѣрѣ. Что можетъ быть сего нещастнѣе? Цѣлая жизнь его есть длинная скука. Стрѣлы Геркулесовы, одинъ залогъ пагубной и драгоцѣнной безсмертнаго его друга, составляютъ все его общество, бесѣду, воспоминаніе. Онѣ служатъ ему единственнымъ орудіемъ защищенія и пропитанія. Но съ охотою желалъ бы онъ лишиться и сего сокровища; только бы еще разъ увидѣть себя въ радостномъ обществѣ человѣка. Столько природа начертала глубоко въ сердцѣ человѣка *желаніе общества!* Лучь надежды просіяваетъ ему. Однажды влачится онъ въ пещеру свою

по окончанїи обыкновеннаго странствованїя по острову. Напечатлѣнїе стези человѣческой на песку его поражаетъ. Вообразите, если можно, удивленїе его, восхищенїе. Скоро срѣтаетъ *Пирра*, сына *Ахиллесова*. Плѣняется незлобїемъ, безхитростнымъ видомъ юности. Повѣряетъ ему стрѣлы сїи, отъ которыхъ самъ страждетъ и безъ коихъ *Троя* взята быть не можетъ. Сбирается ѣхать, не взирая на болѣзнь свою и ласкается еще увидѣть сихъ неблагодарныхъ и любимыхъ *Грековъ*. Но *Улиссъ* противится. Нѣжное соболѣзнованїе *Пиррово* превозмогаетъ. *Филоктетъ* восходитъ въ корабль. Сердитыя и ему благопрїятныя волны уносятъ его отъ *Лемна* и спасаютъ отъ нещастїя *быть единому*.

Анхисъ и Еней,

Разговоръ.

(Дѣйствїе происходитъ въ поляхъ Елисейскихъ.)

Анхисъ.

Какой новой Герой представляется взору моему между тѣнями праведныхъ, болѣе похожъ на смертнаго, наслаждающагося еще лучами солнца, нежели на обитателя преисподней? Что вижу я! это *Еней*, это любезной сынъ мой!

Еней.

Прими сїи объятїя, сїи радостныя слезы, нѣжной родитель . . . . Но ты, подобенъ облаку, подобенъ легкимъ вѣтрамъ, убѣгаешъ изъ объятїй моихъ.

Анхисъ.

Ты обнимаешъ неосязательную тѣнь. Вспомни, что здѣсь жилище щастливыхъ, гдѣ погибающее тѣло не обременяетъ болѣе нашего духа. Мы наслаждаемся здѣсь чистою радостью за все добро, которое въ жизни мы дѣлали. Никакая скорбь насъ не прикасается. Но ты

какимъ образомъ, и по какой причинѣ проникъ въ мѣста сїи воспрещенныя смертнымъ?

Еней.

Горящее желанїе еще разъ тебя увидѣть, еще удовольствовать сїи очи воззрѣнїемъ на любимаго родителя.

Анхисъ.

Я узналъ нѣжность *Енееву.* Ты также чувствовалъ, когда посреди пылающей Трои, сквозь толпу разъяренныхъ непрїятелей ты несъ на раменахъ своихъ меня, дряхлаго, лишеннаго зрѣнїя старца и коего жизнь не была нужна болѣе.

Еней.

Я исполнялъ сладчайшїй долгъ природы. Ты посрамляешъ меня, родитель, воспоминая дѣло столь естественное.

Анхисъ.

Не въ моей силѣ истребить толь прїятное воспоминанїе. Боги, тронутые благочестїемъ твоимъ, приготовляютъ тебѣ и твоимъ потомкамъ сильное цар-

ство въ *Италїи.* Ты будешъ основателемъ знаменитѣйшаго народа, которому суждено владычествовать вселенною: ты будешъ прародителемъ Героевъ. *Ни чѣмъ не можно болѣе снискать благоволенїе Вышняго Существа, какъ почитая и любя родителей.*

Вольность.

Священныя права человѣка *безопасность, собственность* замыкаются въ единомъ словѣ *вольности*. Нигдѣ не было земли болѣе благопрїятствующей сему граждан-скому чувствованїю, какъ *Грецїя*. Тамъ единое благородство состояло въ томъ, чтобъ быть *вольнымъ*. Но со временемъ пагубное честолюбїе вождей, безпокойство черни и роскошъ изгнали вольность изъ сердецъ *Греческихъ*. *Римляне* ее приняли. Побѣда препровождала оружїя ихъ. Вострепетали въ чреду свою утѣснители *Грецїи*. *Фаланга Македонская* пала подъ усилїемъ *Легїоновъ*. Великодушной побѣдитель Консулъ *Титъ Фламинїй* предписываетъ законы *Филиппу* и расторгаетъ узы *Грецїи*. Большая часть обитателей ея торжествовала тогда *Исѳмическїя игры*. Консулъ поспѣшаетъ на среду ихъ. Велитъ провозгласителю возвѣстить всей Грецїи отъ имени Римскаго народа *вольность; что каждому Греческому обществу возвращается право жить подъ своими собственными законами; что никакая посторонняя власть не долженствуетъ утѣснять природную ихъ свободу*. Изу-

31

мленные Греки сомнѣваются мгновенiе въ истиннѣ слышимаго, просятъ повторить провозглашенiе. Тогда увѣрены въ щастiи своемъ не полагаютъ предѣловъ восхищенiю и благодарности. Повсюду слезы радости, восклицанiя. Воздухъ восколебался воплемъ: птицы летѣвнiя попадали въ средину собранiя. Всѣ поздравляютъ, объемлютъ другъ друга. За щастiе почитается прикаснуться рукѣ избавителя. Излишество благодарности обременяетъ сердца ихъ.

Но щастiе столь желательное не было долговѣчно. Честолюбивые *Римляне* были постоянны только въ единомъ намѣренiи своемъ покорить вселенную. Разпространивъ предѣлы владычества своего, они потеряли собственную свою вольность. *Марiи*, *Суллы* и ихъ щастливѣе *Цесарь* испровергли республику. По мѣрѣ удаленiя отъ вольности уничижалося имя Римское, доколѣ совсѣмъ обезчестено развратностiю нравовъ, подлостiю, алчностiю, не потерялося совершенно подъ разлитiемъ *варварскихъ* народовъ. Мраки невѣжества и рабства собралися надъ человѣческимъ родомъ съ непроницаемою густотою и позорище *вольности*, *просвѣщенiя*, *славы* на долго ими сокрылося.

Плѣнники.

Римская Имперія была возобновлена только по имени *Карломъ Великимъ. Римъ* становился столицею страшной власти духовной, которая, пользуясь невѣжествомъ временъ, грозила покорить себѣ свѣтскую. *Восточная Имперія* давно преклонялася къ своему паденію, угнѣтаема пороками правленія и усиліями народовъ воинственныхъ, безпрестанно изъ Сѣвера исходившихъ. *Константинъ Порфирородный* принесъ безполезную любовь ученія на престолъ, гдѣ надобны были твердость и дѣятельность. *Славяне* и *Руссы* являлися часто на ладіяхъ своихъ въ проливѣ *Цареградскомъ.* Все уступало суровому ихъ мужеству. Уже *Оскольдъ* нанесъ трепетъ *Константинололю* и *Олегъ* посвятилъ право побѣды торжественнымъ положеніемъ мирныхъ договоровъ. Се *Игорь* движется бранію и невзирая на *Греческій огнь*, пожирающій корабли его, двѣ краты опечаливаетъ войною прекрасныя страны *малой Азіи.* Въ послѣдній изъ сихъ походовъ, два сына *Θедора Стратилата*, *Зинонъ* и *Парθеній*, похищаются отъ объятій родителя. Отягчены оковами, (жестокой образъ древней войны!)

последуютъ они за побѣдителями въ *Кіевъ*. Человѣколюбивая *Ольга*, супруга *Игорева*, которой просвѣщеніе оскорблялося дикостію тогдашнихъ нравовъ, предстательствуетъ за плѣнниковъ. Ихъ узы облегчаются. Они вкушаютъ нѣкоторой родъ вольности, ежели можетъ существовать вольность для того, кто отчужденъ отечества. Ихъ знанія, выгоды просвѣщеннаго человѣка, находятъ имъ покровителей, *Добрыня*, Намѣстникъ Новгородскій, беретъ ихъ съ собою. На брегахъ *Ильменя* возглашаютъ они, никѣмъ не разумѣемы, священные стихи *Гомеровы*, сладостныя согласія *Софокла* и *Еврипида* и воспоминаютъ Отечество. Скоро наставляютъ они въ письменахъ *Греческихъ* младаго сына *Добрыни*. Дружество соединяетъ сердце *Славянскаго* юноши съ его нещастными друзьями. Онъ испрашиваетъ имъ у родителя дарованіе совершенной свободы. Съ позволенія *Добрыни*, отправляются всѣ трое на кораблѣ *Варяжскомъ* въ путешествіе на Западъ. Доплывъ земли *Поруссовъ*, проникаютъ они во внутренность *Германіи*. Общежитіе тамъ едва зачиналося и строилися города. Отлагали безпокойство свое укрощенные *Саксоны*. Плодъ завоеваній *Карла Великаго*, правильнѣйшая Система *Феодальнаго* владѣнія установлялася; но вож-

ди посыланные для защищенія границъ не чувствительно отъ зависимости Государей отпадали. Самой Скиптръ Имперіи вышелъ изъ слабаго потомства *Карла Великаго*. Путешественники коснулися предѣловъ *Франціи*. Раздробленно между вельможами, государство сіе теряло свое сіяніе, подъ удрученіемъ невѣжества, суевѣрія, рабства. Тѣже нещастія видѣли въ *Италіи*, нѣкогда славной и величественной. Искуства оставили ее вмѣстѣ съ вольностію. Наконецъ достигаютъ *Константинополя*. *Θеодоръ* имѣетъ щастіе опять увидѣть сыновей своихъ. Младой *Добрыня* находитъ въ *Царѣградѣ* мудрую *Ольгу*, просвѣтившуюся православіемъ. Присоединясь ко двору ея, возвращается въ *Россію*.

КА

33

Общество добрыхъ людей;

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Алманзоръ, сынъ *Омаровъ*, не препровождалъ юности своей, такъ какъ прочїе вельможи *Багдатскїе*, въ исканїи веселїй всегда убѣгающихъ. Онъ не былъ рабомъ тщеславїя и скупости. Но съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ своихъ, украшалъ разумъ просвѣщенїемъ и сердцѣ прїуготовлялъ къ воспрїятїю всякой добродѣтели. Никогда обманъ не осквернилъ устъ его: никогда зависть и ненависть, страсти мрачныя и подлыя, не унизили души его. Онъ хотѣлъ научиться нравамъ человѣческаго рода, посѣщая разныя страны и народы. Онъ преходилъ безплодные камни *Аравїи*, благовонныя рощи *Іеменскїя* и видѣлъ толь близски между собою бѣдность и щастїе жителей. На берегахъ *Нила*, осматривалъ онъ Пирамиды, величественные и тщетные памятники *Фараоновъ*. При струяхъ *Ганга*, разговаривалъ съ кроткими и мудрыми *Браминами*. Обращался съ *Персами* и странствующими *Монгалами*. Но ничто не остановило вниманїя его толь прїятнымъ образомъ, какъ малое *гражданство добрыхъ людей*, которое обитало одну

прекрасную долину на южной сторонѣ *Кавкаса.* Ограждены горами отовсюду, они запретили входъ порокамъ, терзающимъ вселенную. Никогда вражда не возмущала ихъ спокойствія. Совѣтъ стариковъ управлялъ гражданствомъ. Молодые старалися превзойти другъ друга въ повиновеніи. Не было у нихъ радости болѣе, какъ здѣлать что нибудь пріятное *другому.* Вся жизнь ихъ проходила въ взаимныхъ услугахъ. Величайшее наказаніе было *стыдъ.* Кто три раза уличенъ былъ въ худомъ дѣлѣ передъ *совѣтомъ стариковъ,* терялъ *право гражданства* и долженъ былъ безъ пощады быть изгнанъ изъ долины. Но сколь долго процвѣтало сіе гражданство, никто изъ *добрыхъ людей,* [такъ назывались жители] не довелъ себя до третьяго уличенія. *Алманзоръ* хотѣлъ бы на всегда остаться въ семъ щастливомъ обществѣ. Но верьховныя повелѣнія *Калифа* отзывали его въ *Богдатъ* обратно, гдѣ во всю жизнь свою исполнялъ онъ правду и дѣлалъ добро.

Общее благоволенїе

къ человѣческому роду.

Духъ предпрїимчивости и непросвѣщенное ревнованїе по закону, въ концѣ первагонадесять вѣка, разпространили по большей части Европы суетной замыслъ избавить обѣтованныя земли отъ ига невѣрныхъ. По гласу восторженнаго проповѣдника *Петра пустынника*, безпокойное дворянство, столь же храброе, сколь незнающее и напоенное предразсужденїями рыцарства, предводимая множествомъ князей, стекалося въ *Клермонтъ*, что въ *Овернїи*, украситься знаменїемъ *крестоваго витязя.* Несчетное воинство подъ начальствомъ *Годофреда* преходитъ въ *Асїю* и облегаетъ священныя стѣны *Солима.* Каждой день осада стѣсняется. *Христїанскїе* рыцари испытываютъ мужество свое въ единоборствахъ съ *Сарацинскими:* и суровой *Аладинъ* чувствуетъ, что выпадаетъ Скиптръ изъ слабыхъ рукъ его.

Въ одну изъ вылазокъ, *Танкредъ*, витязь оставившїй плодородные холмы *Калабрїи*, увлекается своею запальчивостїю. Одинъ посреди непрїятелей, мечемъ открываетъ себѣ дорогу. Возвращается; но мрачная ночь,

безлунная, непогодная, заблуждаетъ стопы его. Громы ударяютъ другъ за другомъ, молнія ослѣпляетъ. И дикая пустыня представляется повсюду: стремнины, свергающіеся съ горъ потоки. Трескъ переломляемыхъ вѣтромъ деревъ повторяется ужаснѣе по дубравѣ.

Танкредъ шествуетъ утомленъ цѣлую ночь. И уже уныніе зачинало вкрадываться въ безстрашное его сердце, когда вдругъ показывается отрадной блескъ лампады. Онъ ускоряетъ ходъ свой и видитъ себя предъ вратами пещеры. Проситъ гостепріимства: пустынникъ глубокой старости и неизмѣняемаго спокойства срѣтаетъ его сими словами:

Чего желаешъ странникъ? Въ сіе время ночи, въ оружіи! Ты кажешся быть изъ сихъ Западныхъ витязей, которые раззоряютъ мое Отечество. Но ты человѣкъ и имѣешъ нужду въ моей помочи. Я очень щастливъ, что могу быть тебѣ полезенъ.

Танкредъ.

Великодушной Мусульманинъ! ты долженъ ненавидѣть во мнѣ непріятеля; и ты мнѣ даешъ убѣжище!

Пустынникъ.

Сынъ мой! я не имѣю ни къ кому ненависти. Я живу здѣсь въ мирѣ со всѣми и съ собою. Человѣколюбіе есть самое лучшее служеніе Богу. Я могу заблуждаться въ моемъ понятіи о Вышнемъ Существѣ; но я не въ состояніи мучить моего подобнаго, за тѣмъ что онъ другимъ образомъ думаетъ. Вы сами, когда нибудь просвѣщеннѣе, будете сожалѣть о безполезномъ свирѣпствѣ вашемъ. Богъ есть общій отецъ человѣковъ. Онъ не требуетъ отмщенія слабыхъ смертныхъ. Любить другъ друга есть его священная заповѣдь. Между тѣмъ войди въ пещеру мою, спокойся и почій.

Домашнее благополучіе.

Алваресъ увлеченъ былъ въ юности своей сіяющими мечтами честолюбія. По стопамъ *Кортеса*, исхитилъ онъ себя изъ стѣнъ любимой *Валенціи*, чтобъ устремляться за славою въ другой половинѣ свѣта. *Америка*, ужасенная молніею, которую смертные кидали, уступала имъ слабую свою вольность. Но *Испанцы* обезчестили подвиги свои варварствомъ. Корыстолюбіе, способствуемо лжесвятствомъ, раззоряло сію землю богатую и нещастную. Дерзали проповѣдать незлобивымъ *Индійцамъ* мечемъ и пламенемъ Бога мира и кротости. Чувствительное сердце *Алваресово* было растерзано симъ оскорбленіемъ человѣческаго рода. Онъ не могъ болѣе остаться въ обществѣ сихъ чудовищъ. Возвратясь въ нѣдро отечества, въ объятія родителя и нѣжной матери, онъ успокоилъ сердце свое сладостными чувствованіями дружбы и природы. Добродѣтельная супруга, дѣти полныя надежды совершили благополучіе его. Сельская хижина, рощица, пріятная долина не оставляли ему чего желать болѣе. Музы посѣщали обитель его. Стройная *Цитара* издавала подъ перстами его плѣ-

няющія согласія. На ней воспѣвалъ онъ безлобіе златаго вѣка, когда равенство царствовало между человѣками, учрежденіе обществъ, земледѣліе, первое изъ искусствъ и позорища опечаливающей брани.

Въ одинъ прекрасной вечеръ, всѣ особы составляющія семейство его, рука въ руку, послѣдовали по стезямъ *Алвареса* къ подошвѣ холма, на которомъ любилъ онъ забавляться брящаніемъ Цитары. Въ молчаніи приникнулись они за густотою кустарника. И *Алваресъ*, препровождая себя Цитарою, воспѣвалъ тако:

Торжественно душѣ моей приближеніе нощи. Нисходятъ на мракахъ небесныхъ величественное созерцаніе, восторгъ, благоговѣніе. Будьте благословенны тихія мраки вечера, разверзающіе предъ человѣкомъ картину творенія! Восхищенный взоръ мой теряется въ необъятномъ пространствѣ небесномъ. Солнцы, которыми оно усѣяно! какая сила удерживаетъ васъ посреди неизмѣримой бездны. Міры, катящіеся кругомъ ихъ! какая рука начертила вамъ круги сіи, которыя вы безпрестанно описываете? Солнцы отвѣщаютъ сіяніемъ и міры возвыша-

ютъ гласъ свой: Онъ сотворилъ насъ, Онъ сохраняетъ, Онъ господствуетъ единый, который единъ благъ, единъ праведенъ, единъ всесиленъ, всегда существуетъ, вездѣ присутствуетъ и которой удостоиваетъ благоволенія своего сердце чистое и добродѣтельное.

Алваресъ снисходилъ съ холма, окончивъ пѣніе, когда любящая семья окружила его и каждой обнималъ попеременно восхищеннаго пѣснопѣвца.

Дружество великаго человѣка.

Едвардъ Вильсонъ былъ сынъ именитаго гражданина Лондонскаго, которой пріобрѣлъ себѣ черезвычайныя сокровища успѣхомъ купеческихъ предпріятій своихъ въ Вестъ-Индіи, глубокими свѣденіями въ торговлѣ, но болѣе всего исправною честностію и общимъ довѣріемъ. *Англія*, возвеличенная славнымъ правленіемъ *Елисаветы*, приближалася къ сіянію своему. Всѣ пути государственнаго благополучія были отверсты. И вкусъ *Англичанъ* просвѣщаемой твореніями *Шекеспира*, *Спенсера* избавлялся отъ порицанія варварства.

Но молодой *Едвардъ*, котораго воспитаніе было опущено виновнымъ потворствомъ родителя, не старался здѣлаться способнымъ къ дѣламъ гражданской жизни или украсить разумъ пріятностями писменъ. Дни его протекали въ различности увеселеній. Зрѣлища, гулянья, конскія ристалища, общество молодыхъ людей пріятныхъ и непостоянныхъ, поглощали все его время.

Были мгновенія, въ которыя утомленъ весельями, обманутъ въ исполненіи тысячи желаній, покушался онъ уединяться отъ шума суетъ и жить съ самимъ собою;

но разумъ его, не пріученный мыслить, лишенный знаній и просвѣщенія не могъ представить ему ничего пріятнаго и скука повергала его стремительнѣе въ тѣже самыя суеты, которыхъ пустоту онъ чувствовалъ.

Веселостямъ послѣдовали происки честолюбія. Надежды его исполнялися. Мгновеніе почиталъ онъ себя почти вельможею. Ему мечталося, что онъ выше другихъ людей. Онъ имѣлъ ласкателей и противниковъ. Но скоро научилъ его опытъ, что великой чинъ, безъ личныхъ достоинствъ, дѣлаетъ только презрительнымъ человѣка, которой его не заслуживаетъ. Ошибки его умножалися. Онъ былъ отброшенъ и забытъ. Сіе забвеніе спасало его отъ справедливаго гнѣва общества.

Между тѣмъ имѣніе его, безпрестанно уменьшаемое расточеніемъ, претерпѣло нечаянные уроны. *Едвардъ* почиталъ себя щастливымъ, что должники его согласилися принять малые остатки онаго въ удовлетвореніе ихъ требованій.

Тогда утративъ всѣ внѣшніе дары щастія и не имѣя способовъ въ самомъ себѣ, *Вильсонъ* ничего не видѣлъ кругомъ себя, кромѣ отчаянія. Но случай доставилъ ему знакомство другаго нещастнаго, *Канцлера Бакона.* Виновной градоначальникъ, но вмѣстѣ украшеніе вѣка сво-

его и философїи, сей великой человѣкъ принялъ его и утѣшилъ. Онъ просвѣтилъ разумъ его и ввелъ во святилище природы. Онъ научилъ его поставлять благополучїе не во *внѣшнихъ вещахъ*, которыя случай похитить можетъ, но въ тѣхъ, которыя отъ него не зависимы, *въ добродѣтели, въ украшенїи разума, въ знанїи. Вильсонъ* почувствовалъ цѣну ученїя и не жалѣлъ честей и сокровищъ, потерею которыхъ прїобрѣлъ онъ *дружество великаго человѣка.* Онъ пребылъ неотлучно при благодѣтелѣ своемъ. Лишенъ общества его смертїю, воздалъ ему послѣднїй долгъ и первой оплакивалъ *возобновителя Философїи.*

Примѣръ Государя.

Въ *Парижѣ* все обратилося видѣть Великаго Государя, просвѣтителя *Россіи.* Удивлялися великости духа его, проницательности, выраженію. Послѣдовали за нимъ въ Академіи, на гулянья, въ зданіе увѣчныхъ воиновъ. Разсказывали малѣйшія дѣянія его, повторяли рѣчи. *Маркизъ д'Алегръ* одинъ, удержанъ немощами старости въ подгородной деревнѣ своей, жаловался безполезно, что не имѣетъ болѣе той леткости, которою отличался онъ нѣкогда при сіяющемъ дворѣ *Лудвига XIV.* Нѣсколько молодыхъ людей, скромныхъ и благовоспитанныхъ, оживляли старость его веселостію лѣтъ своихъ. И старой Генералъ удостоивалъ ихъ совѣтами, давалъ имъ наставленія вѣжливости и поведенія и разсказывалъ происшествія прошедшаго времени. „*Обвиняйте меня пристрастіемъ, предразсужденіемъ, сколько хотите;* говорилъ онъ, обращаяся къ Кавалеру Тервилю, *я буду безпрестанно сожалѣть о вѣкѣ сіянія и славы, котораго я видѣлъ теченіе и которой все свое величіе заимствовалъ отъ души Лудвига XIV. За тѣмъ что примѣръ Государя образуетъ цѣлой народъ. Вы*

видите тому живое доказательство въ побѣдителѣ Карла XII. Онъ возвышаетъ съ собою страну свою и шествуетъ большими стопами къ безсмертїю, оставляя потомству попеченїе о славѣ своей. Лудвигъ XIV. менѣе терпеливъ, любилъ наслаждаться и при жизни сїянїемъ происходящимъ отъ великихъ дѣлъ. Онъ занялъ всѣ пути къ славѣ: побѣды, искуства, просвѣщенїе, великолѣпїе. Щастїе, согласное съ желанїемъ его, окружило престолъ его великими людьми во всѣхъ родахъ. Я не могу вспомнить безъ восхищенїя, что поставленъ между ими провидѣнїемъ, я наслаждался присутствомъ ихъ, обращенїемъ. Я началъ службу подъ знаменами великаго Конде и Тюренния. Между начальниками и сослуживцами своими считаю я Люксамбурга, Креки, Буфлера, Вандома, Катината, Вильяра. Вобанъ устроивалъ осады наши во Фландрїи. Возвращаяся изъ похода находили мы при Дворѣ и въ городѣ великолѣпнѣйшее позорище искуствъ, общественной вѣжливости и вкуса. Возвышалися зданїя, раждалася торговля подъ покровительствомъ Колберта. Превосходныя творенїя установляли красоту языка. Мы видѣли Расина и Буало, призванныхъ въ об-

щество Государя. Корнелій при кончинѣ своей получалъ знаки благоволенія его. Мы слышали проповѣдающихъ Боссюета, Флешьера, Массильйона. Я чувствовалъ болѣе любви къ добродѣтели, послѣ разговора съ Фенелономъ. Мольеръ читывалъ мнѣ явленія комедій; Лафонтень неподражаемыя свои басни. Госпожа Севинье удостоивала меня своею перепискою. Я видѣлъ Пуссеня, ле Сюера, ле Брюня пишущихъ картины ихъ; Пюжета и Жирардона ваяющихъ истуканы: и въ Люллїевыхъ согласїяхъ становилися еще сладостнѣе стихи Кинольтовы. Таково было столѣтїе, въ заглавїи котораго сїяетъ имя Лудвига XIV. Я незнаю, друзья мои, будетъ ли то, которое вы зачинаете, столько же изобильно дарованїями и славою. Можетъ быть молодой прїятель нашъ Аруетъ, и самъ остатокъ великаго вѣка, поддержитъ сїянїе слѣдующаго. — Да вотъ и онъ кстати. Мы только о васъ говорили Г. Аруетъ. Не можно болѣе одолжать друзей своихъ, какъ вы. Но надобно держать свое слово. Вы намъ обѣщали сего дня вашу Трагедїю.

Всѣ приближилися, составили кружокъ: и Аруетъ, сѣвши подлѣ *Маркиза*, началъ чтенїе своего *Едипа*.

Нравственное чувство.

Спокойствіе было нарушено въ Нѣмецкой земль. Дщери *Кесарей* оспоривали право къ отеческому наслѣдію, и Государь Философъ увѣнчевался первыми пальмами побѣды; Слава разносила повсюду имя и дѣла *Фридриха втораго.* Пораженъ сею, шестнадцатилѣтній юноша, *Графъ Рейкенбахъ* забываетъ отечество, родителя, приятности изобильной и спокойной жизни для единственнаго удовольствія служить подъ знаменами *Героя Пруссіи.* Опрачаенъ прелестію славы, въ трудахъ военной жизни, не слышитъ онъ или старается не слышать обвиняющаго его гласа совѣсти. Каждой день возсылая на небо горячія моленія о здравіи древняго родителя и нѣжной матери, думаетъ, что уменьшаетъ каждой день вину свою и питается радостною надеждою получить нѣкогда ихъ прощеніе и быть включену въ объятія, когда насыщенъ честію, достигнетъ сіяющей чреды начальства и отличеній храбрости. Начало его было ознаменовано успѣхами. Пожалованъ Прапорщикомъ на мѣстѣ сраженія, онъ заслужилъ почтеніе и взоръ Государя и верховное воздаяніе военнаго человѣка. Каждая битва служила ему

степенію произвожденія. Онъ имѣлъ уже роту на *Фридбергской*. Болѣе нежели когда нибудь оказалъ онъ здѣсь опыты неустрашимости своей. Онъ гнался за убѣгающею толпою непріятелей, взялъ множество плѣнниковъ, обезоружилъ самаго предводительствовавшаго ею Офицера. Но между тѣмъ, какъ сей уклоняется отъ изнеможенія подъ тѣнь развѣсистаго дуба и *Рейхенбахъ* всматривается въ него пристально: какой ужасъ объемлетъ побѣдителя? Онъ узнаетъ двоюроднаго брата своего *Алберта*. Сіе зрѣніе возбуждаетъ во глубинѣ сердца его усыпленное угрызеніе. Онъ не смѣетъ вопрошать его, сколько ни желаетъ. Но *Албертъ* изливаетъ на него всю горесть упрекъ. *Нещастный!* восклицаетъ онъ, *родителей твоихъ нѣтъ болѣе. Твое позорное бѣгство ускорило ихъ старость. Я самъ желаю умереть, чтобъ не видѣть болѣе такова измѣнника, каковъ ты.* Капитанъ остается безмолвенъ, недвижимъ, и отъ излишества чувствительности, кажется, ничего не чувствуетъ. Онъ возвращаетъ чины свои и грамоты. Влечется въ милую и печальную *Свабію*, въ сей замокъ, въ которомъ безвинная юность его образовалася наставленіями и примѣрами добродѣтели. Долго кажется быть пригвожденъ ко хладной доскѣ, покрывающей останки

родителей. Какая рука подастъ ему облегченіе? Твоя, добродѣтельной *Геллертъ*, начертавшая утѣшенія прискорбнымъ. Книга становится другомъ нещастнаго. Она возбуждаетъ въ сердцѣ его сладкую надежду, очищаетъ раскаянія и пріуготовляетъ къ терпѣнію жизни. Благодѣтель поселянъ, *Рейхенбахъ* низлагаетъ между ими неистовство войны и вѣренъ вліяніямъ *нравственнаго чувства*, находитъ утѣшеніе свое въ щастіи другихъ.

Соболѣзнованіе къ страждущимъ.

ИДИЛЛІЯ.

Сочиненія *Г. Клейста*, славнаго стихотворца Нѣмецкаго.

Будь здравъ, Филинтъ, будь здравъ и щастливъ! благословенъ сей день, что мнѣ тебя даруетъ. О добрый старецъ! сколь давно тебя я не видалъ! Съ тѣхъ поръ и вотъ сѣдиной главу твою покрыла старость. Приди и отдохни подъ зыблющейся тѣнью. Приди, здѣсь виноградъ къ себѣ насъ призываетъ; тамъ сладкая смоковница зоветъ. Вкуси отъ ихъ плодовъ: они уже созрѣли.

Такъ говорилъ *Цефисъ*, какъ нѣкогда *Филинтъ* пришелъ въ его гостепріимну сѣнь. Потомъ они въ саду прогуливались оба. Убогой, скорбной старецъ вкусилъ спокойствіе подъ тѣнію древесной и воздалъ похвалу смоковницѣ и сладкому плоду ея.

Сія смоковница, вѣщалъ Цефисъ, отнынѣ, о Филинтъ, пускай твоею будетъ. Впредь буду для тебя я укрывать ее, когда морозъ отягощаетъ

землю. Впредь будетъ для тебя она здѣсь разцвѣтать и сладкой плодъ носить.

Однакоже *Филинтъ* не долго жилъ. Ему смоковница плодовъ не приносила. И слезы лилъ надъ нимъ *Цефисъ* и самъ желалъ такъ бѣденъ умереть и такъ же честенъ, какъ *Филинтъ*. Онъ предалъ трупъ его землѣ подъ деревомъ его и гробъ сорудилъ увѣнчанный кругомъ и розами и темнымъ кипарисомъ.

Съ тѣхъ поръ при мѣсячномъ сіяньѣ онъ слышитъ иногда движенье нѣкое священно въ корѣ древесной и шопотъ сладостной отъ гроба проникаетъ, которой кажется благодаритъ ему.

И каждой годъ ему приноситъ садъ его плоды и виноградъ въ великомъ изобильѣ: затѣмъ что небеса всегда благословляютъ смиренье и добродѣтель.

Установленіе

Гражданскаго общества въ Греціи.

Пеласгами назывались первые обитатели *Греціи*. Но страна сія, послѣ толь славная вольностію, просвѣщеніемъ, добродѣтелями, тогда сообразовалася еще съ дикостію жителей. Дремучіе лѣса дѣлали горы ея неприступными. Долины лежали сокрыты подъ разлитіемъ водъ. Разносилися рыканія свирѣпыхъ звѣрей и поражали ужасомъ разсѣянныхъ смертныхъ, которые во мракѣ пещеръ и на высотѣ древесъ искали убѣжища. Не было никакого сообщенія между людьми: не было языка, которой не можетъ существовать прежде общества. Тѣлодвиженія, грубые вопли, исторженные силою опасности или, желанія заступали мѣсто онаго. Каждой занятъ былъ единственно *сохраненіемъ самаго себя*, симъ перьвымъ закономъ естественнымъ. Защищаться отъ нанесенія обиды силою рукъ или спасаться скоростію бѣгства были слѣдствіемъ онаго. Похищали другъ у друга скудную пищу, дикія прозябенія и жолудь древнихъ дубовъ. Самой огонь имъ не былъ извѣстенъ. Безъ намѣренія, безъ предвидѣнія, *дикой человѣкъ* утомлялся

исканїемъ пищи и препровождалъ остатокъ дня во снѣ и праздности. Мало по малу возвышался человѣческой родъ случайными откровенїями. При чистыхъ источникахъ здѣлали люди перьвыя знакомства и дружества, установили языкъ, соетроили общественную сѣнь, изобрѣли грубыя оружїя и сами звѣрямъ стали страшны. Съ тѣхъ поръ ловля здѣлалась состоянїемъ и страстїю человѣка. На охотѣ встрѣчалися разныя сообщества и оспоривали добычу другъ другу. Оттуду непримиримыя брани, понятїе *собственности*, попеченїе *о безопасности.* Надобно было вступить во взаимныя обязательства общества. Здѣлались извѣстны имена *Гражданина, Вождя, Судїи.* Тогда благодѣтельные иностранцы принесли имъ недостающїя искуства *земледѣлїя, ваянїя металловъ, письменъ* изъ земель древнѣе просвѣщенныхъ: *Кекропсъ* и *Данай* изъ *Египта, Кадмъ* изъ *Финикїи* и *Пелопсъ* изъ *Фригїи.* Создалися города и общество установилося.

Путешествіе Анахарсиса.

Скиѳія не одною похвалялася храбростію и справедливостію своихъ народовъ. Она произвела *Анахарсиса*, которой нашелся достойнымъ собесѣдовать съ мудрецами Греціи. Оставивъ *Тану*, сельской городъ при берегахъ *Меотійскаго езера*, посѣщалъ онъ сіяющія *Аѳины*, *Коринѳъ*, *Елиду*. Проницательной взоръ его постигъ обязательства *Народнаго права*, подъ священною стражею котораго сохраняются пользы народовъ.

Возвратясь въ отечество, уступаетъ онъ нескромному усердію пренести въ лоно его учрежденія Грековъ. Другъ *Солоновъ*, хочетъ быть соревнователемъ его. Предстаетъ предъ думою старѣйшинъ. „*Сограждане!* говоритъ онъ; *я отсутствовалъ изъ отечества, имѣя „его безпрестанно въ сердцѣ моемъ, желая что нибудь прибавить къ благополучію его. Кротость „нравовъ, просвѣщеніе, повиновеніе законамъ составляютъ пріятности человѣческаго общества. Какъ „частной человѣкъ обращается съ другимъ по основаніямъ справедливости; такъ собирательное тѣло*

„народа долженствуетъ поступать съ другими на-„родами, защищая безопасность, вольность, честь „свою и въ другихъ почитая оныя. Варваръ услаж-„дается войною; просвѣщенной воюетъ только для „того, чтобъ достигнуть постояннаго мира. Въ са-„момъ непріятелѣ своемъ почитаетъ онъ человѣка и „уменьшаетъ, сколько можетъ, нещастія войны. „Состояніе блаженства есть состояніе мира. Раз-„пространимъ его на неизмѣримыя долины Скиѳіи. „Составимъ священные союзы со сродственными „племенами. Пригласимъ къ тишинѣ, искуствамъ, „земледѣлію обитателей Борисѳена и Танаиса. От-„правимъ пословъ, посредниковъ мира, уставимъ „общее судилище, въ которомъ бы распри народовъ „разбиралися дружелюбно и устыдимся грабежа и „хищенія.„

Онъ хотѣлъ продолжать болѣе. Но шумъ неудовольствія пробѣжалъ по собранію. Освирѣпѣли взоры *Скиѳовъ* и колчаны за спинами ихъ зазвенѣли.

Опечаленной *Анахарсисъ* заключилъ истинну въ сердцѣ своемъ и оставилъ времени зачать и совершить великое дѣло просвѣщенія.

ОИК № 1414

Р 3/12

Кн. чист. 47 листов

Ba/La